

А.М. Марченко

«Она сидела на полу...»

Написано в 1858, не позднее апреля, в том же году опубликовано в журнале «Русская беседа». Возможно, обращено ко второй жене Эрнестине Федоровне.

К весне 1858 домашняя жизнь поэта, до встречи с Еленой Денисьевой (летом 1850) представлявшаяся и самим супругам, и их друзьям чуть ли не образцом семейного благополучия, зашла в тупик. «Обморок духовный» (так поэт называл свою роковую «последнюю любовь») не проходил, и у Эрнестины Тютчевой уже не оставалось даже слабой надежды на то, что ситуация может измениться. Старшая дочь поэта Анна свидетельствует:

«Был день рождения моего отца, и я хотела обедать в семье. Слово *seerless* (безрадостный) было выдумано нарочно для определения нашей домашней жизни. В ней есть спокойствие и безмолвие, но в этом спокойствии нет мира, а только уныние... В каждом из нас чувствуется глубокая затаенная грусть, в папе и в маме — разочарование в жизни и во всем».

Процитированная запись сделана в ноябре 1855, но, судя по стихотворению «Она сидела на полу...», обстановка в доме поэта и в 1858 была безрадостной, несмотря на внешнее спокойствие и безмолвие. Молчит сидящая женщина, молча стоит мужчина...

Эта немая сцена, фрагмент из обыкновенной семейной истории, является тем зерном, которое даст сильный росток и в лирике Ахматовой, и в прозе Чехова. По сути дела, это первый в российской словесности пример того, как много можно сказать «о свойствах страсти», говоря, казалось бы, совсем о другом, и в какие глубины психики проникнуть, оставаясь вроде бы на самой поверхности повседневности... Взять хотя бы последнюю, заключительную строфу:

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Готов был пасть на колени, то есть повиниться, попросить прощения, но это только внутренний жест, ибо полная страстей жизнь, что когда-то «бушевала» между стоящим мужчиной и сидящей женщиной, пережита невозвратно. Поэтому-то он и стоит *молча и в стороне*, а она, как бы не замечая его присутствия, продолжает перебирать старые письма...

Стихотворение 1858 «Она сидела на полу...» перекликается со стихотворением «Как над горячею золой...», опубликованным в пушкинском «Современнике» в 1836, но написанном, вероятнее всего, в 1832.

Видимо, Тютчев невольно сравнивал свой первый брак и свои отношения с первой женой с новым «безрадостным» тупиком, в каком снова оказалась его семейная жизнь к моменту создания стихотворения «Она сидела на полу...». Даже размер один и тот же: четырехстопный ямб. Не изменен и способ рифмовки — *abab*, и то же чередование мужских и женских окончаний: нечетные строки с женской рифмой, четные — с мужской. Однако есть и разница: в 1832 поэт все же верит, что сможет вырваться из «нестерпимого однообразья» обыденности. Вырваться и «просиять»! Спустя четверть века не осталось даже призрачной надежды. В стихотворении 1836, в первой строфе, автор сравнивал свою жизнь со свитком, который еще дымится над *горячею золой*. Образы золы и «слов и строк», а для Тютчева слова и строки не отражение, а хранилище жизни, повторены в стихотворении «Она сидела на полу...» и тоже в первой строфе. Но это не «горячая», а «остывшая зола», и «слова и строки» уже не свиток — всего лишь «груда писем», мертвые останки «убитой» любви.

1832:

Как над *горячею золой*
Дымится *свиток* и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает...

1858:

Она сидела на полу
И *груды писем* разбирала,
И, как *остывшую золу*,
Брала их в руки и бросала...

В первом случае любовь и радость «пожират» «огнь сокрытый и глухой», то есть душевная тревога, а это свойство живой души и живой, хотя и стесненной обстоятельствами, жизни. Во втором тексте нет и намека на сердечный пламень! Лирическая героиня стихотворения просто бросает, роняет «знакомые листы» на пол.

Повторено здесь и еще одно слово из стихотворения «Как над горячею золой...» — слово «грустно». Однако и грусть теперь другая, не просветленная надеждой, страшная, безнадежная, безжизненная грусть.